

—ФИЛИН—

К 75-летию Победы

Воронежский Государственный Университет
Филологический факультет

Официальная группа Филологического факультета: <https://vk.com/philvsu>

Группа Студенческого Совета: https://vk.com/phil_vsu

Instagram – аккаунт факультета:

<https://www.instagram.com/philologycalvsu/?hl=ru>

Дорогие преподаватели, сотрудники, студенты филологического факультета!

Сердечно поздравляем вас с 75-летием ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
нашего народа в Великой Отечественной войне!

Уже 75 лет Россия празднует ПОБЕДУ народа и народов нашей многонациональной страны над фашизмом. Этот день всегда объединял и объединяет всех в общем желании поклониться нашим павшим – тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины, поблагодарить их за то, что мы появились на свет, учимся, трудимся в родной стране, говорим, читаем и пишем на родном языке, гордимся нашей великой культурой.

В народной памяти эта война останется как священная война, потому что встать за Отечество – священный долг, святое дело. «Священная война» – песня, написанная на стихи В.И. Лебедева-Кумача композитором А.В. Александровым в первые дни войны. Я уверена, что эта песня должна неизменно звучать на праздновании нынешних и всех будущих Дней Победы, и слушать ее всегда надо стоя – по сути это второй гимн Российской государства.

Раньше 9 мая мы подходили на улице к незнакомым пожилым людям в военной форме и дарили им цветы – красные тюльпаны и сирень, цветы Победы! Теперь... ветеранов войны и тыла осталось совсем мало – ушло поколение победителей, но ведь народ – это неразрывное единство живших, живущих и еще не родившихся, поэтому на многие века и поколения мы были, есть и будем поколениями победителей!

А чтобы так было, от нас, живущих уже в другом веке, требуется не так уж и много, по сравнению с их великим подвигом, – сохранить уважением и «любовь к отеческим гробам» (А. Пушкин), просто ЖИТЬ и ПОМНИТЬ!

Бердникова О.А., д.ф.н., проф., декан филологического факультета

Военная поэзия

Отцовские письма

В потемневшие окна заглядывал вечер,
И тогда, соскочив потихоньку с крыльца,
Я бежала вдоль леса, накинув на плечи
Довоенную старую куртку отца.

Здесь, у пня, опущенного мхом зеленым,
Под корявыми ветками хмурой сосны,
Я ждала и ждала старика почтальона
С толстой сумкою писем, пришедших с войны.

Я сжимала листок в запыленном конверте,
Я под хмурой сосною стояла одна:
Может быть, извещенье о папиной смерти
Жестким почерком мне написала война?!

Выходили из леса холодные тени,
Подымались туманы по сонным прудам...
Положив дорогие листки на колени,
Я по письмам училась читать по складам.

Эти четкие, чуть торопливые строки,
Освещенные отблеском теплой зари,
Эти письма отца из сражений далеких —
Мои первые азбуки и буквари!

C. H. Филюшкина,
д.ф.н., профессор,
кафедра истории и типологии русской и зарубежной
литературы

Баллада о прачках
Девчата банно-прачечных отрядов
с изъеденными щёлком руками,
прекрасные, как утренние зори,
и ласковые, словно шелест вешних трав...

Да, хороши, — как утренние зори!
Бледны (а до чего же есть хотелось!),
с румянцем (о, письмо!) или слезами —
мой милый банно-прачечный отряд.
Как спать хотелось! Просто невозможно,
чтоб третью ночь без сна... Из медсанбата
приехали: «Девчаточки, нажмите!».
И едкий пот сгоняет тени сна.

Вот Леночка — чуть выше метра ростом —
огромные кальсоны выжимает
и нам под ритм движений, по словечку,
читает Гейне светлые стихи...
Измученные вонью дезинфекций,
садимся на обмерзшие поленья,
и молчаливой Ули низкий голос
об Украине горестно поёт...
В разведку не ходили, не летали,
стирали только днями и ночами,
терпели злые шутки и укоры...
И гибли в полосе прифронтовой.

Осколком мины Леночка убита,
под Познанью замолкла песня Ули.
Без них была б бессильна медицина,
но им она уже не помогла.

И знаю я, что в городах и сёлах
моей страны огромной ветераны
войны, отодвигающейся вдаль,
хоть иногда, но всё же вспоминают
девчат из банно-прачечных отрядов
с изъеденными щёлком руками,
трудолюбивых, светлых, как улыбка,
и ласковых, как шелест мирных трав.

M. B. Фёдорова,
д. ф. н., профессор, кафедра общего языкознания и
стилистики

И мой отец был запевалой ротным.
И знал он цену песне на войне.
Рассказывал, как с выкладкой походной
Шагал по Будапешту, и к спине,

Как кожа, прирастала гимнастёрка,
Сочилось кровью стёртое плечо.
Но надо было шаг печатать звонко
И показать, что силы - есть ещё.

И капитан десантной роты строгий,
Чтоб подбодрить измученных бойцов,
Командовал: «Ребята, выше ногу!
Ровнее строй! Ну, запевай, Кольцов!»

И он запел, и песню озорную
Весенний ветер подхватил, понёс.
Здесь — никогда не слышали такую,
Как «Полюбил меня Макарка-водовоз...».

И будто не было усталости смертельной.
Солдаты, закаленные в боях,
Под песню по-мальчишески свистели
С улыбкой на обветренных губах.

И, словно отдохнувший на природе,
Шёл полк десантников, героев-молодцов...
«Орлы! Красавцы! Благодарность первой роте!
На трое суток под арест — сержант Кольцов!»...

И глядя на отцовские медали,
Его рассказ я вспоминаю вновь и вновь.
Он был учителем. Мы так и не узнали,
Чем кончилась Макаркина любовь.

Л.М.Кольцова,
д.ф.н., зав. каф. современного русского языка

В пустую позднюю природу,
Когда всё сплошь оголено,
Смотрел он, как иные в воду
Глядят и видят, что дано

Им впереди. Он за весенним,
Сквозистым, сереньким леском
Не зимний видел, не осенний
Край поля, взятого броском.

И не истерзанные ивы
Вставали перед ним вдали.
И не виднелся в жёлтых взрывах
Кусок израненной земли.

Своим он отрешённым взором
Всю жизнь прошедшую листал.
Как получилось, что так скоро
С ней день прощания настал?

Всё изменилось. Очень круто.
Ведь он дошёл до той поры,
Когда за каждою минутой
Удар! И следом – сброс с горы.

И, может, будет день хороший,
И всё как надо, всё не взлёт.
А он оторван будет, сброшен.
А жизнь? Она вперёд пойдёт.

Д.Ф.Н., профессор, участник ВОВ А.М.Абрамов

Наш «Бессмертный полк»

Дорогие друзья! Формат публикации не позволяет нам вставить всех участников героических сражений. Но мы всех помним и читим!

Мой дядя, Шибанов Анатолий Стефанович (1919-1941), родился в Воронеже в доме, стоявшем на берегу реки, отлично учился в школе, был ласковым и послушным сыном, увлекался музыкой, играл на духовых инструментах.

После окончания школы Анатолий поступил на геологический факультет Воронежского государственного университета, но с первого курса был призван в армию. Летом 1941 года он должен был демобилизоваться, писал в письмах родным о планах на будущее.

Но именно это поколение молодых людей, к лету 1941 года уже отслуживших в армии, было брошено на фронт в самые страшные первые дни войны. Анатолий был радистом, участником боев под Москвой. Погиб в сражении под Ельней на своем боевом посту, посыпая радиограмму в штаб.

После окончания войны к родителям Анатолия – моим бабушке и дедушке – приезжал его друг, сражавшийся рядом. Он подробно рассказал им, как Толя был убит и где похоронен: выжившие бойцы смогли вырыть могилу, завернуть погибшего товарища в плащ-палатку и похоронить. В начале 1960-х годов бабушка ездила на могилу сына, нашла в деревне женщину, помогавшую хоронить Анатолия и его товарищей и долгие годы убиравшую на их могилах, где росли посаженные ею цветы. Раз год, 9 мая, Анатолий Стефанович Шибанов снова возвращается в солдатский строй: уже подросшая моя внучка с его портретом идет в Бессметном полку по улицам его родного города. И вот что удивительно: рядом с Анатолием встают в полку его однополчане, и не в переносном, а в самом прямом смысле этого слова. В один из годов рядом с внучкой шла девочка с портретом воина, также погибшего под Ельней примерно в то же время... Действительно, Бессмертный полк – это сакральное единение живых и умерших.

Так сложилось в нашей семье, что память о моем погибшем дяде закрепилась в самом его имени: моего папу звали Анатолием, такое имя носит мой сын.

Давайте примем в наш Бессмертный полк воина Анатолия, отдавшего жизнь за то, чтобы все мы появились на свет, учились, трудились в родной стране, говорили, читали и писали на родном языке, любили, были счастливы, уважали наше прошлое, гордились нашей великой культурой!

Профессор, д.ф.н., декан фил.фак. ВГУ
О.А. Бердникова

Когда началась война, моему папе, Козельскому Алексею Григорьевичу (1925-1987), было 16 лет. В июле 1942 Новый Оскол, где он жил и учился, заняли фашисты. Во время семимесячной оккупации отец был связным партизанского отряда. В марте 1943 года призван в РККА. Был командиром стрелкового взвода, роты.

Мальчишкой отец переживал, как он сам говорил, что «не успеет повоевать за Родину». Успел: освобождал Белоруссию, Варшаву, дошел до границы Германии, где был ранен. Спасибо ординарцу Николаю, который нашел его ночью на поле, уже присыпанного снегом, контуженного, и доставил в медсанбат. А в госпитале – спасибо безымянному капитану, который не дал отрезать загноившуюся ногу молодому лейтенантику. Недолечившись, с палкой-костылем, отец сбежал из госпиталя снова на фронт, но открывшаяся рана не дала довоевать до Дня Победы – его он встретил в госпитале Потсдама.

Воевал отец, кажется, не очень долго – 1,5 года, а закончил войну гвардии лейтенантом с двумя орденами: Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медалями. С войны он вернулся, когда ему было 20 лет.

К.ф.н., доц. Н.А. Козельская

Когда я была маленькой, года в четыре, попыталась примерить китель с орденами и медалями дедушки Вали. И не смогла удержаться на ногах, упала: очень китель был тяжёлым.

Дедушка Валя был военврач, подполковник медицинской службы, главврач полка, потом лётной дивизии. Ордена и медали на этом кителе были послевоенные, а главное — боевые. После войны он не был демобилизован, а несколько лет прослужил в Кёнигсберге, потом в Польше.

Помню, как с юморком, без драматизма он рассказывал о своей послевоенной службе в Кёнигсберге. Спишись ночью: справа от тебя в постели — молодая жена, слева от тебя в постели — автомат, а под подушкой — пистолет. А больше ничего не рассказывал о войне.

К.ф.н., доцент М.Я.Розенфельд

Щербинин Петр Митрофанович (1923-1978), младший сержант.

На фронте с 1941 года. Боевой путь связан со многими знаковыми событиями Великой Отечественной войны. Передо мной пожелтевший листочек. Сухой, констатирующий факты текст. Дедушка рассказывает в письме: «Зимой 1942 года был в госпитале в Сталинграде. После выздоровления попадаю в 13-ю танковую бригаду мотострелковый батальон рота автоматчиков 17-го танкового корпуса. Из Сталинграда нас направляют в район Касторное-Горшечное. Затем мы очутились на окраине Воронежа. СХИ. Подгорное. В это время я уже был в корпусной разведке... В разведке я пробыл до конца войны. Служил до 1947 года. Участвовал в парадах на Красной площади. Так что можно считать кавалером 4-ой Кантемировской дивизии».

Награжден Орденом Красной Звезды. Медаль «За боевые заслуги» получил за выполнение боевой задачи в составе корпусной команды разведчиков 10 февраля 1943 года.

До войны закончил железнодорожный техникум. После войны работал на заводе им. Дзержинского. Умер в день начала войны в 1978 г. А я его совсем не помню...

Д.ф.н., профессор Т.А. Тернова

Павел Иванович Дьяков- лейтенант, командир танкового экипажа. В бою за Восточную Пруссию проявил героизм и погиб смертью храбрых. Об этом с фотографической точностью написано в приказе командующего Прибалтийским фронтом: "В бою на высоте N 17 марта 1945г. лейтенант Дьяков П.И., проявляя образцы беспредельного мужества и отваги в трудных условиях танкового боя, первым ринулся в атаку на вражеские позиции, уничтожая точки немцев, мешавшие продвижению нашей пехоты. Гусеницами своего танка товарищ Дьяков раздавил огненную точку и 16 солдат противника, тем самым дал возможность продвинуться вперёд пехоте. В том бою от вражеского снаряда танк Дьякова загорелся, но экипаж продолжал бой до последнего и погиб смертью храбрых в горящем танке Дьяков П.И. за подвиг был награжден Орденом Отечественной войны 1 степени /Посмертно/".

Д.ф.н., профессор В.И. Дьякова

Гаршин Тимофей Иванович (1903-1984) – рядовой, мой дед по материнской линии. Был призван в ряды Красной Армии в декабре 1941 года. Участвовал в боях под Вязьмой, на реке Угре. Награжден медалью «За боевые заслуги». В наградном листе читаем: «Исполняя должность рядового красноармейца в 470 стрелковом полку 184 стрелковой дивизии, 49 армии, Западный фронт, при наступлении 5 апреля 1942 года на село Павловка Юхновского района Смоленской области был тяжело ранен осколком мины в кисть левой руки и убыл в госпиталь на излечение. В результате ранения получил полную неподвижность кисти левой руки. По излечении признан негодным к военной службе, уволен из РККА как инвалид 2-й группы снят с учета военнообязанных». Дед полжизни прожил с неработающей левой рукой. Все делал правой: и воду носил, и косил, и пахал, причем не только свой огород, но и огорода двух бабушкиных сестер, чьи мужья пропали без вести в 1941 году. Они остались с детьми на руках, овдовели одна в 24 года, другая в 27 лет, замуж больше не вышли. Бабушкин жених тоже погиб. Дед на начало войны был вдовцом, имел сына. С бабушкой они поженились в 1944 году, родили 6 детей, из которых выжили четверо. Моя мама самая младшая.

Глебов Василий Абрамович (23.04.1917 – 2.03.1991) – гвардии сержант 341 стрелкового полка 119 Гвардейской стрелковой дивизии, мой дед по отцовской линии. Был призван на срочную службу в 1939 году, проходил ее в Забайкалье, в Борзинском укрепрайоне. В июне 1941 года должен был быть демобилизован. Дед рассказывал: «Собрали нас в воскресенье в клубе. Шли туда – песни пели: думали, домой поедем. Обратно шли повесив головы, в полной тишине». До 1942 года их часть держали в Забайкалье как резерв для войны с Японией. Потом повезли в Сталинград. Дед вспоминал, что им уже на момент посадки в вагоны дали оружие: и пулеметы, и автоматы, что ехали очень быстро, останавливались на станциях только для того, чтобы набрать воды и получить паек. Но ситуация изменилась, и их часть перебросили на Карельский фронт. В декабре 1943 года был награжден медалью «За отвагу». В приказе написано: «Гвардии сержанта Глебова Василия Абрамовича – командира Отдельного Лыжного батальона, отличившегося в бою 10.11.1943 года в районе д. Абрахеево. Отделение, которым командовал тов. Глебов, под его умелым руководством отбило три контратаки противника с превосходящими силами. В этом бою было уничтожено до 30 немецких солдат». Через несколько дней в результате разрыва мины получил 6 осколочных ранений. Один осколок – в легком – не стали извлекать, опасаясь кровотечения. Лежал в госпитале в Вологде. По окончании лечения был признан негодным к строевой службе, был оставлен в Вологде в стройбате, восстанавливал город.

Вернулся домой в 1947 году, после 8 лет службы. Мой отец родился через 3 года. Я деда хорошо помню. Помню, как, шестилетняя, изводила его просьбами рассказать сказку «про козу рогатую», а он засыпал, прежде чем заканчивал ее. Помню, как они с сыновьями заготавливали дрова: пилили, кололи, перебрасываясь шутками. Помню шрамы у него на груди, спине, руках...

К.ф.н., доц. А.В. Фролова

Новиков Данил Федорович (декабрь 1921 – 17 июня 1985). Был призван Воронцовским РВК (Воронежская обл., Воронцовский р-н). Часть Данилы Федоровича – 601 стрелковый полк 82 Краснознаменной стрелковой дивизии Западного фронта. Участвовал в Ржевско-Вяземской наступательной операции, 02.03.1943 - 01.04.1943. Новиков Данил Федорович 16 августа 1943 года, исполняя должность связиста, в бою за станцию Ярцево Смоленской области был тяжело ранен осколком мины в голень правой ноги. Потеряв ногу, дедушка остался инвалидом. Указом Президиума Верховного Совета СССР «За отвагу и храбрость, проявленные в боях с немецкими захватчиками в Великой Отечественной войне» был награжден Орденом Красной Звезды.

После госпиталя Данил Федорович вернулся в родное село Пузево Бутурлиновского района. Его жизнь прошла мирно. Он вырастил и воспитал 8 детей, среди которых и мой пapa. Дедушка не любил говорить о войне, всегда был скромен в своих воспоминаниях о том страшном времени.

к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка Н. И. Подшивалова

Я много хотела написать своим предкам. Но боль и слёзы сильнее слов! Простите меня, мои дорогие родственники, если я не всегда оправдываю ваши надежды. Спасибо вам за мою жизнь. И за жизнь миллионов людей. Моя контрастная семья пережила Холокост и служила в разведке. Я горжусь быть её частью.

*Студентка 3 курса филологического факультета
Марина Ульянова*

75 лет страну озаряет свет победы в Великой Отечественной войне. Война эта не обошла стороной ни один дом нашей страны. Моя семья не стала исключением. В Брестской крепости погиб мой прадедушка, майор Шматов. К сожалению, полное имя неизвестно, потому что его знал только мой умерший дедушка. Под Берлином пал смертью храбрых младший в семье, весёлый, никогда не унывающий Виталий, прошедший всю войну, героически защищавший скованный блокадным голодом Ленинград. Из всей моей большой семьи в живых осталась лишь моя прабабушка Прасковья Прокофьевна Полухина. Она добровольно ушла на фронт в 1942. Всю войну прошла в должности диспетчера управления 190-й истребительной авиационной полоцкой краснознамённой дивизии №11 до самого Кёнигсберга. Три года назад она умерла в возрасте 93 лет. К сожалению, мы никогда не виделись — прабабушка жила на Северном Кавказе. Я только слышала по телефону её молодой, совершенно не соответствующий преклонному возрасту голос, когда она читала наизусть стихи ко Дню Победы. Наша семья запомнила прабабушку никогда не унывающей и хранящей в сердце заветные строки, которыми она радowała нас в этот светлый праздничный день.

*Студентка 3 курса филологического факультета
Абрамова Екатерина*

Мой прадед Сухочев Алексей Владимирович был призван на фронт в 1943 году в возрасте 18 лет.

Через год он стал командиром стрелкового отделения 133-го стрелкового полка. Бои для прадедушки закончились быстро, но остали след на всей его долгой жизни. В 19 лет он был тяжело ранен осколком снаряда в коленные суставы обеих ног и правое предплечье с повреждением костей. 55 лет, до самой смерти, он проходил на прямых ногах (они не сгибалась в колене).

Тяжёлые испытания не помешали прадеду построить собственный дом, поднять детей и внуков. Всю жизнь он был каменной стеной для моей прабабушки, с которой ушёл из дома с одними подушками в качестве «приданого» — свекровь категорически отказалась принимать невестку. Прадедушка был награждён Орденом Отечественной войны II степени и Орденом Отечественной войны I степени, а также множеством медалей за проявленную в боях доблесть. Я очень горжусь этим настоящим во всех смыслах человеком. Для меня он истинный герой, и память о нём в нашей семье будет передаваться из поколения в поколение.

*Студентка 3 курса филологического факультета
Архипова Евгения*

Когда началась Великая Отечественная война, прабабушке, Максимовой Марии Ивановне, исполнилось всего 17 лет. Вместе с такими же молодыми ребятами, как и она сама, Мария Ивановна вступила в молодежное подполье, чтобы бороться с фашистскими захватчиками. Она была связной подпольной партийной организации с частями Советской Армии, перепрятывала оружие.

Прабабушка была награждена орденом Великой Отечественной войны и большим количеством медалей. Среди них «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Медаль Жукова», почетный знак «Ветеран партизан и подпольщиков Присамарья Днепропетровской области».

*Студентка 2 курса филологического факультета
Ерёмина Анастасия*

Мой прадедушка - Аксенов Алексей Фёдорович. Участник ВОВ. У него множество наград, одна из которых был Орден Красной Звезды за заслуги в деле обороны. Во время войны собирал боевую технику под название - «Катюша», а также он эвакуировал заводы. Второй прадедушка Попов Андрей Михайлович (1907-1985). Участвовал в Финской войне и ВОВ. У него тоже много наград, одна из которых была - Звезда Герою. Во время войны был разведчиком (ловил языков). Они оба вернулись с войны живыми.

Большая благодарность, за мирное небо над головой! Вечная память!

*Студентка 2 курса филологического факультета
Эвелина Манохина*

Воспоминания о войне Леонтьевой Татьяны Федоровны

«Когда началась война, мне было 3 года. Наша семья была многодетной. Мой отец - Федор Никифорович и 2 старших брата - Иван и Петр ушли воевать. Иван погиб в бою под Россошью. Петр был ранен в руку и больше не воевал. Отец на войне был связистом, налаживал телефонную связь.

Недалеко от нашего села находится станция Поворино. Во время войны это был очень важный железнодорожный узел. Мы наблюдали, как немецкие стервятники по ночам бомбили эту станцию, и слышали гул самолетов. Люди старались не включать свет в домах, чтобы не привлекать внимание фашистов.

Военные годы были чрезвычайно трудными. Приходилось переносить голод и холод, но все верили и ждали нашу Победу. Когда объявили День Победы, мы каждый день ходили встречать отца с войны, но он долго не возвращался. Мы стали терять надежду на то, что он жив. Но через несколько дней папа вернулся. Мы были очень рады и счастливы!..»

*Студентка 2 курса филологического факультета
Екатерина Леонтьева*

Воспоминания о войне

Что мы помним о войне...

Я любила слушать мамины рассказы о том, как они жили до войны, меньше – о том, как началась война. В её рассказах чётко ощущался рубеж: *до войны, после войны...* В довоенных временах мне нравилось всё: что мои родители были весёлые, здоровые, что у них было много друзей, их окружали такие понятные мне, такие хорошие люди! В той жизни «без меня» было много такого, что я отчётливо себе представляла, кажется, легко бы всё узнала, случись мне оказаться там, где меня не было. Мама чаще всего вспоминала о своих учениках, о забавных случаях, о чём-нибудь смешном, например, о папином увлечении шахматами и своей никак не совпадающей с шахматами любви к танцам... Мне так нравилась *та* их жизнь, что рассказы о военных годах я слушала, видимо, с меньшим вниманием, неосознанно отодвигая от себя то, о чём могла догадаться и сама. Моё детство пришлось на послевоенные годы, и я хорошо помню мужчин на костылях, с грубо оструганными деревяшками вместо протезов, плохо одетых женщин, детей в неуклюжих, самодельных одежках. Тогда о войне не вспоминали, она ещё не ушла из нашей жизни. Может быть, поэтому отец о пережитом говорил неохотно, чаще коротко отвечал на вопросы. И лишь в редкие минуты вспоминал какие-то военные эпизоды. Помню, что я спустя много лет спросила его: «Тебе было страшно тогда, в 41-м, когда ты стал в солдатский строй?». Обычно отец отвечал, подумав, словно отбирая самые точные слова. Тут же сказал

быстро, как о чём-то обдуманном: «Нет, даже испытал какое-то облегчение. Теперь от тебя ничего не зависит. Что будет, то и будет». Вероятно, сам неоднократно возвращался к тем своим первым ощущениям войны. И сегодня мне очень жаль, что не у кого уточнить свои давние воспоминания.

Первый день войны застал моих родителей под Ленинградом, в посёлке Синявино, который совсем скоро стал местом ожесточённейших боев. Как позже оба вспоминали, в первый же день, после речи Молотова, отец развозил повестки мобилизованным: у него был велосипед, и это было задание военкомата. На второй день, 23 июня, призывное свидетельство принесли ему, и 24-го он уже стоял в том самом строю, о котором я и спрашивала.

С этого момента судьбы моих родителей, вплоть до 1944 года, когда семья воссоединилась, шли разными тропами. Мама оставалась в Синявине, пока ещё не думая об эвакуации, как невосстановимую потерю, переживая мобилизацию отца. Ситуация усугублялась ещё тем, что в мае она сломала руку, упав с велосипеда, будучи к тому же беременной. Так что не меньше оснований для беспокойства об оставляемой жене было и у отца.

Буквально через несколько дней, но ещё в июне, отец позвонил в посёлок (родители жили в доме баракного типа, в коридоре которого был телефон) и попросил передать маме, что в такое-то время их эшелон будет на станции Мга и они смогут увидеться. Мама заспешила на рабочий поезд (предшественник современных электричек), идущий в сторону Мги. Однако довольно скоро поезд остановился, пассажиры услышали глухие удары взрывов, увидели поднимающиеся клубы дыма. Скоро им объявили, что Мгу разбомбили, поезд дальше не пойдёт. Мама не сомневалась, что воинский эшелон, в котором находился отец, стал причиной жестокого налёта. Естественно, что в первую очередь бомбились воинские эшелоны и составы с боеприпасами. Помощи же от нашей авиации не было. Редкие самолёты, вспоминала мама, появлялись в небе уже после немецкого налета. Свист летящих снарядов, вой сирены, мерный тревожный голос, объявляющий гражданам о воздушной тревоге, навсегда остались для неё связанными с первыми днями войны.

Об этом же эпизоде их невстречи рассказывал и отец, разумеется, спустя долгое время. Оказывается, их эшелон отправили намного раньше в сторону фронта (отец воевал на Карельском перешейке), и он, в свою очередь, был уверен, что жена и неродившийся ребенок (родители ждали не меня, а сына, как в популярном предвоенном фильме «Моя любовь») погибли.

Первые дни войны, особенно после отъезда отца, были тревожными, если не паническими. Сразу же начавшиеся бомбёжки усиливали ощущение беспомощности. Мама вспоминала одну из первых попыток что-то предпринять для собственного спасения. В Шлиссельбурге (город в 9 км от Синявино, у истока Невы) жила семья старшей сестры мамы, Татьяны Васильевны Егоровой. Кстати, в нашем доме Шлиссельбург и после войны не звался Петропростью (такое имя он получил в 1944 г.), хотя в 1960-е годы там продолжала жить младшая сестра моей бабушки, мамины двоюродные сестры и братья, и письма отправлялись, естественно, в г. Петропрость. Из Шлиссельбурга сёстры вместе с одиннадцатилетней Валентиной, дочерью моей тёти, отправились в толпе обезумевших беженцев куда-то, как потом оказалось, в сторону Ладожского озера. Поздно ночью остановились в какой-то деревне. И только тогда, немного освободившись от гипноза толпы, мама огляделась. В сумраке белой ночи она увидела гладь воды до горизонта, толпу зачем-то пришедших сюда людей... Это была настоящая западня.

После первых дней войны, наполненных паникой, бомбёжками, ожиданием вестей с фронта, жизнь начала входить в тот ритм, в котором её предстояло прожить долгих четыре года. Никто тогда не знал никаких сроков, просто начинали понимать, что надо жить той реальностью, которую диктовала война. Удивительно, но с этого момента в маминых рассказах появлялся какой-то порядок. Первые письма, которые мама получила от отца с передовой, вызвали у неё почти отчаяние. Она рассказывала, что, открыв первое его письмо, она, ещё не читая, посмотрела в условленное место и разрыдалась. Её коллеги-учительницы, взяв из её рук треугольничек и прочитав письмо, стали её утешать. Текст был скорее весёлым, чем тревожным. А мама прежде всего увидела условный знак, которым отец извещал её, что дела плохи.

В послевоенных воспоминаниях нередко приходится читать о том, как люди верили, что война будет недолгой. По воспоминаниям же моих родителей я могла судить, что начало войны они приняли как долгое и смертельное испытание. И потому они договорились, что отец подскажет, как ей поступить: ждать ли его в Синявино или эвакуироваться, ехать к бабушке в Вологодскую область. Разумеется, в письме об этом не было сказано ни слова, о введении военной цензуры догадаться было нетрудно. Вот почему и появился условный знак в их письмах, который должен был помочь принять нужное решение. Кстати, в сохранившихся письмах отцу в госпиталь я лишь однажды увидела строчку, вымаранную военной цензурой. Родители легко овладели искусством умолчания. Письмо сообщало о главном: жив! Все остальное представлялось незначительным.

13 июля 1941 года отец был ранен. Школьницей я пыталась что-то узнать о тех боях, в которых он участвовал. Вероятно, надо было написать какое-нибудь сочинение. Ничего героического я не услышала и как-то быстро потеряла интерес к этой стороне жизни отца. И лишь став взрослым человеком, прочитала в повести Г.Бакланова «Пядь земли» (1958): «Как-то в поезде, из госпиталя ехал, слышу, рассказывал один – сколько раз он в атаку ходил... Брехня! Больше трёх раз пехотинец не ходит в атаку. Либо вчистую, либо в госпиталь!». Отцу повезло. После своего третьего боя он оказался в госпитале. И что он мог рассказать об этом мне, школьнице?

А мама рассказывала, как они с сестрой готовились к эвакуации: снесли вещи её и сестры в ту комнату, в которой они жили с отцом (она была побольше), аккуратно все уложили, закрыли дверь, ключ положили в карман, словно завершив главные дела. Разумеется, они плохо представляли, что будет дальше, не знали, что никогда сюда не вернутся по той простой причине, что весь посёлок и все его отделения будут стерты с лица земли. Кстати, открыв недавно в Интернете справку о Синявинской средней школе, я выяснила, что её история началась в 1947 году, что ещё в развалинах преподавание начали три учительницы. Думаю, что их фамилии маме ничего бы не сказали. В Синявино ничего не сохранилось: много лет спустя, когда мы попытались восстановить мамины довоенные стаж работы для оформления пенсии, нас уведомили, что архивы не сохранились. Так и исчезло из людской памяти довоенное Синявино, остались лишь скромные памятники, которые и обелисками-то не назовёшь.

А тогда, в августе 1941-го, сёстры успели на последнее судно, которое увозило эвакуированных из Шлиссельбурга. «Последнее» надо понимать буквально: 20-27 августа эвакуация гражданского населения была прекращена, так как были заблокированы железные дороги и другие выходы из Ленинграда. Это свидетельство официальной хроники блокадных событий. А мама как единственный документ сохранила справку, выданную 22 августа 1941 года Синявинским поселковым советом, свидетельствующую, что ей разрешён проезд «к месту жительства по водному транспорту». Подтверждала эта справка и её статус эвакуированной. По сути дела, это был её единственный документ.

Сестрам удалось выехать на грузовой барже, сверху, в целях маскировки, накрытой тёсом. Люди помещались ниже на палубе и в трюме. Позже они обе вспоминали, что расстроились, не попав на речной пароходик, который отчалил на сутки раньше: им не хватило сухого пайка, который выдавался всем эвакуированным. По спискам же они должны были ехать на пароходике. В нём были каюты, палубы были более благоустроенные, чем на барже, и не было тёса над головой. Но уже в пути они узнали, что тот самый пароходик, на который они так хотели попасть, был потоплен прямым попаданием. Рассказывали, что на верхнюю палубу вышли покурить двое военных, а немецкие самолёты летали так низко, что их пилоты легко различали самые мелкие детали. И пароходик был уничтожен, несмотря на то, что на крыше его рубки располагалось полотно с красным крестом.

Случайности часто присутствовали в рассказах отца и матери о войне. Им придавалось большое значение. Любая военная ситуация потенциально несёт с собой смерть и уничтожение, её разрушение означает победу жизни. Поэтому чудеса в таких рассказах обнаруживались очень легко, запоминались и радовали. Разве не чудо, что выдали сухой паёк на три дня, а через три дня покормили горячей пищей? Разве не чудо, что они плыли долгим окружным путем по Мариинской водной системе (мама называла её только так, и я долгие годы была уверена, что шли они ещё петровскими шлюзами, а не Волго-Балтийским каналом, как он назывался с 1930-х годов)? В этом тоже было немалое везенье, потому что они были практически последними, кому удалось выехать прежде, чем замкнулось кольцо блокады. Железнодорожный путь жестоко бомбился и был отрезан раньше водного. А 8 сентября немцы вышли к Ладожскому озеру. К этому времени неказистая баржа уже миновала Онежское озеро, в сентябре её пассажиры уже могли изредка покупать картошку у местного населения, прямо на корню, сами выкапывая её из грядок. И эту спасительную возможность давала всё та же тихоходная и неуклюжая баржа. По шлюзам она двигалась медленно и только ночью. Днём надо было прятаться от бомбёжек в ближайших лесах. Баржа, войдя в шлюз, медленно опускалась вместе с водой на дно, затем открывались створы следующего шлюза, баржа столь же медленно поднималась поступавшей водой и двигалась далее. Потом всё повторялось снова. Так что хватало времени не только поторговаться с местными жителями, но и выкопать картошку. Мама вспоминала, что им однажды удалось купить целое ведро, но как донести? Хозяева дали им битое ведро, без дна. Как-то они с ним справились. И это тоже было чудом. Без таких чудес эвакуированные не выживали.

Мама, вспоминая потом тех, кого вывезли значительно позже, уже по «дороге жизни», скажет, что им было значительно труднее. Измученные голodom и бомбёжками люди ехали по тем местам, по которым до них уже неоднократно проехали такие же, как и они, несчастные и голодные. И всё меньше запасов (и доброты, и продовольствия) оставалось у местного населения. Денег уже не брали, как в первые месяцы войны, продукты меняли только на вещи. А что могли вынести на себе измученные люди? Но не случайно говорят, что в войну хорошие люди становятся лучше, а плохие – хуже. А так как война активизирует в человеческом сознании лишь катастрофические ожидания, то и человеческая доброта – по контрасту – видится ярче. Мама всю жизнь помнила тех людей, которые чем-то помогли не только ей, но и её близким.

Как о чуде, которое завершило их долгое путешествие на родину, она вспоминала последние километры пути. Их не брали ни в один состав на станции Бабаево (ни о каких билетах и речи не могло идти!), когда до бабушкиной деревни оставалось уже рукой подать (разумеется, для тех, для кого 40 вёрст не крюк, как говорят в вологодской губернии). Людей везли в грузовых составах, дверей не открывали даже во время остановок: вагоны были набиты, как чемоданы. И в одном из таких вагонов женщина узнала голос учительницы её детей: в 1939 году мама, после окончания педагогического училища, начинала работать в этих местах. Не знаю, открыли бы сегодня в таких обстоятельствах дверь учительнице? В 1941 – открыли.

Выше я сказала, что родители прошли каждый свой путь, даже не зная, что в какие-то моменты они были недалеко друг от друга. Отец был ранен, как сказано в том документе, которым он в декабре 1941 был комиссован, «на Северо-Западном направлении». Это Карелия, близ границы с Финляндией. Уточнить мне уже не у кого, но названия населенных пунктов, в которых пapa лежал в госпиталях, я помню с детства. Это Кандалакша, Кемь, Сортавала, Питкяранта, Лодейное Поле... Через эти места пролегал его путь в Андижан, в далёкий Узбекистан, из которого он сможет выехать лишь в 1943-м. В Лодейном Поле их госпиталь располагался примерно в то же время, когда та самая удачливая баржа шла к Онежскому озеру. Разумеется, тогда никто не знал о возможных совпадениях, догадались о них значительно позже.

С того времени, когда мама со своей сестрой и племянницей приехали к бабушке, начинаются воспоминания уже с моим участием. Мама рассказывала неоднократно, как ей принесли поздравительную телеграмму от отца в день моего рождения: «Поздравляю сыном или дочкой». Разумеется, он не знал точной даты, но телеграмму прислал заранее с обращением к служащим почты, которых он просил вручить её в нужное время. И они это сделали. Ещё одно чудо военных лет, ещё одно свидетельство того, что и в годы войны шла жизнь, когда человек помогал человеку, откликался на чужую боль и чужую радость. Не потому ли Отечественная война закончилась так, как она закончилась?

Д.ф.н., профессор,

зав. каф. русской литературы XX и XXI веков,

теории литературы и гуманитарных наук Т.А.Никонова

Учились с жадностью

Я ребёнок войны, но мне было слишком мало лет, чтобы я помнила какие-то военные события. Мои детские воспоминания – это постоянный страх, непрекращающиеся бомбёжки, непрерывные взрывы. Помню, нас хотели эвакуировать с левого берега в товарных вагонах. Но в этот поток мы не попали: моя бабушка была больна астмой, у неё как раз в это время случился приступ, и нас оставили. Но уже ночью нас эвакуировали в село Садовое Аннинского района.

Маму ежедневно отправляли на передовую копать окопы. Бабушка испугалась, что она может остаться с маленьким ребёнком на руках, и написала младшей дочери в город Свирск Иркутской области, где та работала учительницей после окончания Курского пединститута, чтобы она прислала нам вызов. Для проезда за Урал тогда нужен был специальный пропуск. Это была закрытая зона: там были сосредоточены оборонные заводы, госпитали. Вызов был получен очень скоро. Надо сказать, что почта во время войны работала очень чётко и быстро.

В Свирске мы жили при школе, мама с тётей учительствовали, дедушка работал возчиком, а бабушка – гардеробщицей.

Папа мой был на фронте. До войны он занимал в нашем университете должность проректора, по специальности он был химик. В 1943 году отца демобилизовали, чтобы он организовал возвращение университета из Елабуги, где университет находился в начале войны. В 1943 году университет перевезли в Липецк, разместили в школе. В ту пору наш факультет назывался историко-филологическим. На факультете было две кафедры: исторического отделения и филологического отделения. В Липецке сотрудников ВГУ поселили в доме, принадлежащем Липецкому тракторному заводу. Отопления в квартирах не было, да и дров достать было негде. В классах школы было так холодно, что чернила замерзали. К тому же был голод. Я помню, как моя мама, опухшая от голода, двое суток не поднималась с постели, пока не пришла Ю.Ф. Окунева, как и мама, работавшая лаборантом, и не подкормила её. Но о трудностях ни преподаватели, ни студенты не говорили, понимали: идёт война!

На филологическом отделении тогда была только одна кафедра – русского языка и литературы. На кафедре работали три преподавателя: Василий Фёдорович Чистяков, Семён Иванович Челноков, Валентина Ивановна Собинникова, которая определила дальнейшую судьбу нашего факультета. Когда мы приехали в Воронеж, а это был сентябрь 1944 года, Валентина Ивановна сразу активно взялась за изучение воронежских говоров; собрала вокруг себя единомышленников. В 1950-е годы Валентина Ивановна возглавила кафедру русско-славянского и общего языкознания.

Во время войны Воронеж был разрушен на 98 процентов: вместо домов – пепелища, развалины. Вечером и ночью город не освещался. По улицам ходить было страшно.

Преподаватели и студенты должны были отработать на восстановлении города по сто часов. И все трудились с большим подъёмом, стараясь поскорее восстановить родной город. Помогали взрослым и мы, дети. Тогда все продукты и многие вещи были по карточкам. Но кое-что продавали без карточек, и за этими продуктами мы стояли всю ночь.

И вот наступил долгожданный День Победы. За всю свою жизнь я не помню большей радости, ликования и всеобщего единения. Слёзы, смех, объятия незнакомых людей. Мы жили во дворе красного корпуса университета (проспект Революции, 24), на ул. Ф. Энгельса, 15. Это был первый университетский жилой дом после войны. Там жила и Валентина Ивановна Собинникова со своей мамой. И вот в этот дом на рассвете прибежала преподаватель физического факультета А.М. Мелешина и закричала: «Победа!». Так мы узнали об этом замечательном событии. Все студенты и сотрудники стали собираться перед красным корпусом и оттуда двинулись в сторону площади Ленина. Нас, детей, посадили на грузовик, все мы стремились попасть на площадь. Но из-за огромного количества людей на проспекте Революции мы смогли доехать только до «Пролетария».

Я помню первый послевоенный учебный год в Воронеже. В 1945 году появились на филфаке молодые ребята и девушки, отшагавшие по дорогам войны: Б. Удодов, М. Палкин, М. Грибанов, И. Торопцев, И. Жарких, И. Рошупкин, М. Фёдорова. Со временем многие из них стали яркими, талантливыми учёными и преподавателями нашего факультета.

Послевоенная жизнь на факультете была очень динамичной, содержательной, яркой для всех обучающихся, потому что студентам очень хотелось мирной жизни. Больше всего я запомнила вечера самодеятельности тех лет. Жили с азартом. Учились днём, вечером ездили на заготовку дров: отопления не было, в аудиториях стояли «буржуйки». Не было мебели, студенты сидели на ящиках из-под снарядов. Учились с жадностью, с огромным интересом, поэтому и стали специалистами, которые определили будущее факультета. Это был «золотой век» факультета. Появилась аспирантура, Театр миниатюр, хор, проводились Дни поэзии, существовало литературное объединение. Жизнь была активная, насыщенная, нескучная. Большинство сотрудников и преподавателей побывало на грани жизни и смерти. Пройдя через беду, горе, потери, люди научились жить с интересом. Этую способность перенесли и в науку, поэтому наш филологический факультет был тогда самым лучшим.

В 1949 году в университете «высадился» десант талантливых преподавателей. В основном это были выпускники московских вузов: А.М. Абрамов – участник Великой Отечественной войны, специалист по советской литературе, С.Г. Лазутин – участник Великой Отечественной войны, специалист по фольклору, А.Б. Ботникова – специалист по зарубежной литературе. В этом же году приехал из-за границы профессор П.Г. Богатырёв – уникальный специалист: русист, литературовед, фольклорист, переводчик романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». В ВГУ его привела сложная жизненная ситуация: у него был репрессирован сын, и ему запретили работать в Москве. Нашему факультету повезло: П.Г. Богатырёв преподавал древнерусскую литературу, литературу XVIII века и чешский язык. Он был необыкновенно талантлив и интересен как преподаватель.

Я поступила в университет в 1954 году. Жизнь на факультете в эти годы была очень активной. На нашем курсе было две группы по двадцать пять человек. Слова *задолжник* тогда не знали, так как конкурс был двенадцать человек на место. С удовольствием ездили в колхозы на уборку урожая, проводили поэтические вечера, капустники, работали вожатыми в пионерских лагерях. Ездили в подшефный Приваловский детский дом. Я помню, что поезд на станцию приходил ночью, и зимой мы шли по сугробам, играли в снежки, пели, были счастливы.

Каждую субботу танцевали. Я, если не потанцую, – больная. Развлекали себя сами: играли, устраивали конкурсы. К нам на вечера просто рвались студенты с других факультетов. Во время экзаменов ждали всех до последнего, потом шли к «Спартаку», качались на качелях, ели мороженое. Жили живо и дружно. У нас был чудесный курс, состоявший из ярких индивидуальностей. Среди выпускников этого курса двенадцать докторов и кандидатов наук, два Заслуженных учителя, есть Отличники высшего и среднего образования, талантливые журналисты, редакторы, поэты и прозаики. Все мы обязаны родному факультету, его людям, создавшим незабываемую атмосферу, в которой интересно было жить и учиться.

д.ф.н., профессор В.И. Дьякова

Когда хлеб – гостинец

Вспоминаю небольшую белорусскую деревушку под Гомелем. Вселили нас с Зоей, моей фронтовой подругой, в дом одной многодетной деревенской женщины. Она приняла нас, как родных, отдала нам свою единственную кровать. Когда мы узнали, что на этой кровати спали маленькие дети, мы отказались от неё и легли на полу, укрывшись шинелями. Хозяйка очень обиделась.

Рано утром мы с Зоей ушли в часть, а когда вернулись вечером, всю семью застали за ужином. Посреди большого деревянного, ничем не покрытого стола стоял чугунок с варёной бульбой. Хозяйка радушно пригласила нас к столу, но, поблагодарив её, мы отказались, объяснив, что уже поужинали.

Семья ужинала одной картошкой. Выяснилось, что дети уже не помнят, когда ели хлеб. Нам стало жалко голодных ребятишек с грустными глазами, впавшими, как у старых, измученных жизнью людей. Поев картошки, дети по очереди подходили к деревянной кадушке, зачерпывали ковш холодной воды, отпивали по несколько глотков и шли спать: кто забирался на большую печь, кто ложился на пол, а малыши – на кровать. Наступила тишина, все заснули, чтобы завтра опять начать день с картошки. Ела семья только два раза в день и только картошку.

На следующий день мы с Зоей сшили из полотенца сумку и набрали в столовой немного хлеба. Каждый из наших военных отложил, сколько мог, из своего суточного пайка, а полагалось им по 700 граммов.

Оказалось, что у нашей хозяйки, кроме своих четверых детей, было ещё четверо соседских, которые остались без матери. Её застрелил фашист, справлявший нужду на виду у всех, когда она, проходя мимо, не выдержала и плонула в его сторону. Он же, насвистывая и не обращая внимания ни на кого, спокойно ушёл. А убитая им женщина лежала до темноты. Люди не подходили к ней и не пускали ее детей, боясь, что фашист убьёт и их. С наступлением темноты мать похоронили, а четверых её детей забрала к себе наша хозяйка, простая, добрая белорусская крестьянка, хорошо понимавшая, как трудно будет ей прокормить восемь человек. Вечером мы принесли к ужину хлеб. Надо было видеть, какими глазами смотрели на него дети, как аккуратно они ели, не уронив ни крошки этого ставшего для них лакомством хлеба. Такое остается в памяти на всю жизнь.

С того дня мы приносili по вечерам хлеб. Дали хозяйке мыла, и она перестирала все детские вещи, искупала детишек, помыла и побелила в хате.

За короткое время жизни в этой дружной белорусской семье мы очень привыкли к детям, старались обласкать их, порадовать чем-нибудь.

Накануне перебазировки мы с Зоей решили устроить прощальный ужин. Обменяли кое-какие личные вещи на сало, набрали хлеба и попросили у наших разведчиков сахара и галет. Хозяйка отварила большой чугунок картошки, очистила и поджарила её на сале, и ещё каждому досталось по небольшому кусочку сала. Ели спокойно, в тишине. А когда съели картошку и на столе появился чай с сахаром и галетами, радости не было конца.

И вдруг среди радостных голосов и смеха навзрыд заплакала мать. Увидев это, зарыдали дети. Мы тоже не могли выдержать, слёзы наполнили наши глаза. Плакали все, плакали громко, горько, не стесняясь.

И так же внезапно плач прекратился, и в полной тишине мать спокойно сказала: «Дети, пора спать». Они вышли из-за стола, и каждый пошёл на своё место. А мать ещё долго сидела перед горящим фитилём, вставленным в консервную банку. Потом она встала, погасила огонь и в полной тишине осторожно, стараясь никого не задеть, пошла в свой угол, за печку. Долго ещё оттуда были слышны её вздохи.

Наутро мы ушли очень рано, когда все ещё спали. Может быть, дети видели хорошие сны, как сидят они за столом, покрытым чистой белой скатертью и заставленным вкусной едой, а рядом с ними их отцы, вернувшиеся с фронта, и красивые добрые матери. И нет никакой войны, война – это только кошмарный сон. Им хорошо, они счастливы.

В тот день мы прощались с этой семьей. Расставание было трогательным. Дети обнимали, целовали нас, просили не уезжать. Все мы стали друг другу родными. Благодарная белорусская женщина на какое-то время заменила нам наших матерей, оставшихся далеко в сибирских краях. Чем мы могли отблагодарить её за доброту и гостеприимство? Мы оставили ей наш сухой пай и кое-что из вещей.

Не знаю, вспоминали ли потом дети двух молоденьких сибирячек, проживших в их доме несколько дней. Думаю, что ещё много таких же молодых девушек, шедших дорогами войны, ночевало у них, и доброту и благородство их матери они помнят до сих пор, как и я.

Как сложилась дальнейшая жизнь этой семьи? Спасла ли её судьба от голода, холода, бед?

Дороги войны провели нас по другим местам, и ничего об этих людях мы не знаем.

Воспоминания Веры Алексеевны
подготовила к публикации её дочь Алла Михайловна Голодяевская,
старший преподаватель кафедры
общего языкознания и стилистики филологического факультета ВГУ.
Первоначально они были опубликованы в газете «Здравствуй».
В нашем сборнике эти материалы помещаются с разрешения автора.

Шоколадка в моей жизни

К 75-летию Победы филологический факультет ВГУ «развернул» поздравления преподавателей-филологов, родившихся в роковое для нашей страны время. (Следуя приказу президента и губернатора Воронежской области, мы не нарушали правил самоизоляции. Действовали в соответствии с законом о волонтёрском движении. Передвижение осуществлялось на личном транспорте. Использовались одноразовые маски, перчатки и санитайзеры. Цветы и конфеты передавались в специализированных пакетах) Как же легко, однако, быть счастливым. А счастье...в людях! 7 мая я встала в 6 утра. Сердце предательски выскакивало из груди. В голове было одно: еду к людям, вершившим историю. Вдруг вспомнились глаза бабушки, наполненные слезами, от одного упоминания о её отце. Война нещадно забирала молодость. Но она не могла забрать главное - память и бесконечную любовь человека к человеку. Когда меня спрашивают: какова главная в жизни цель?

Я вдумчиво отвечаю: быть ЧЕЛОВЕКОМ.

Два дня мы развозили подарки преподавателям филологического факультета ВГУ. Таких радостных лиц я не видела давно! Волшебным образом я поняла, как можно улыбаться глазами (мы были в масках). Преподаватели не говорили о трудностях детей-войны. Они переживали за нас, за время. За всё! Но только не за себя. Вот такая тихая любовь к миру живёт в душах этих людей.

Я никак не осмелюсь открыть шоколадку, подаренную одним из преподавателей. Мне хочется продлить удовольствие смотреть на неё. И помнить, что кому-то ценен простой звонок.

Или приезд!

Теперь я знаю, чем буду заниматься по окончании режима самоизоляции. Ходить в гости к новым друзьям! Ведь пока память горит внутри нас, мы живы.

P.S. Жаль, что нет совместных фото с преподавателями. Но время диктует свои правила. Дистанцию соблюдали. Дистанция - это физическая величина. А между нами происходила химия

Студентка 3 курса филологического факультета ВГУ
Марина Ульянова